

Андрей Лоскутов

КНИГА ИУДЫ

ПОРОЖДЕНИЯ ЗЛА

Том I

Ритуал

Предисловие автора

Разные люди — разные истории. Кого-то трудные ситуации закаляют, а кого-то наоборот делают жалким и беспомощным. Единственное, что по-настоящему принадлежит человеку, — это его выбор. Поступить, по совести, зову сердца, правильно или же стыдливо пройти мимо и позволить событиям идти своим чередом. Прикинутся ветошью, безучастной, жалкой амебой, эмбрионом без имени и ждать что, когда придется делать выбор до тебя очередь не дойдет.

Но, дело в том, что, если выбор не сделаешь ты, его сделает кто-то другой, кто-то сильнее тебя, тот, кто хочет жить, а не существовать. А наступившие последствия этого выбора разгребать придется тебе, и вся вина за несделанный вовремя выбор ложится только на тебя. Таков парадокс, от него никуда не деться. Самое странное, что

большинство людей все это прекрасно понимают, но все равно старательно избегают каких-либо действий.

Многие боятся совершить ошибки, наверняка думают, что сделанный ими выбор будет не правильным и, свернув не туда, они упустят какие-то другие более удачные шансы. Но, не делая выбор вовсе и оставаясь, все время на одном месте упустишь *«все»* возможные шансы. И порой испугавшись ответственности за свои ошибки, неизбежного, неминуемого позора люди трусливо бегут от проблем, наживая их еще больше.

Герой этого рассказа, Тиль Стендишь, обычный студент, живущий своей никчемной, разгульной жизнью. Он дал обещание бабушке перед смертью, что возьмется за ум и закончит колледж. Но со временем стал про него забывать, кое-как переходя с курса на курс, он все больше погружался в пучину неудач, до тех пор, пока его судьба не начала висеть на невидимой нити и ускользать от него самого.

Для Тилия все начиналось довольно неплохо, вечеринки, куча друзей и подружек. Но все это вдруг куда-то испарилось, когда вывесили списки на отчисление, а уже потом все повалилось на него как снежный ком...

Глава 1. Последний шанс

Таунсенд, огромный, беспокойный, бурлящий мегаполис как гигантское бьющееся сердце, в свое время построенный на предгорье он возвышался над другими стоявшими поблизости маленькими городками, растекаясь улицами, переулками и дорогами в разные стороны. Рядом с ним протекает река Серка, такая же бурная своенравная и почти всегда по весне выходит из берегов, затопляя прибрежные улицы и мосты.

Снег тающий под палящим солнцем превращаясь в ручейки вливается в Серку и как бы не старались коммунальщики убирая его тракторами и вывозя большими набитыми доверху грузовиками, все равно ничего у них не получается, вода вновь и вновь заполняет собой улицы заставляя людей буквально вплавь добираться до работы стоя по колено в воде. У многих жителей не редко создается впечатление, что они живут в Венеции. Эдаком сезонном городе на воде, только без изяществ, прикрас и памятников архитектуры.

Но вот осенью река как будто бы замирает, погружаясь в спячку, как и добрая половина города. Люди словно сонные мухи медленно передвигаются по улицам от дома, к дому изредка поднимая голову, если вдруг встречали знакомого, кивнув которому вновь возвращались к своим скучным делам. Водители так же медленно, как и

пешеходы двигались в пробке, громко сигналижая тем, кто, по их мнению, уже успел уснуть за рулем.

Странное, меланхоличное, слегка грустноватое время года, но только для тех, кто и летом-то не особо веселится, предпочитая забиваться в угол и сидеть, там закутавшись в теплое одеялко. В обще-то Таунсенд ничем особенным не отличается от других подобных ему городов, несколько элитных школ, три воюющих между собой за первенство колледжа, полицейские участки в каждом районе, больницы, огромные вереницы различных магазинов и бутиков, кинотеатры и, разумеется, люди.

Об одном из них, о человеке, который очень любит веселиться в любое без исключения время года и у которого из-за этого постоянно возникают не приятности, я хочу вам рассказать. Но не ждите, что эта история вам понравится, ведь как говорят у самых веселых людей самая грустная судьба.

* * *

Осень в этом году выдалась гораздо прохладней, чем обычно. Холодный, пробивающий до костей ветер срывал с деревьев пожелтевшие листья, без промедления отправляя их в полет. Последние теплые лучи солнца едва пробивались сквозь белые пушистые облака, которые словно

огромный бархатный плед застилали небо.

Дрейк Эйвин, простой преподаватель литературы одного невзрачного маленького колледжа Виллоу оседлав своего металлического коня с рулем, педалями и спицами на колесах, как всегда, не спеша катит на работу. За свои тридцать с небольшим лет он не сумел достичь каких-то особенных высот, хотя, когда он сам заканчивал этот колледж ему пророчили блестящее будущее. Одно время его рассказами зачитывались все знакомые, а родственники дак и вовсе были от них без ума.

Но, увы, большим литератором он так и не стал. Не сложилось. Время вдруг резко изменило, обороты и с приходом компьютеров книги уже не пользуются былой популярностью. Сейчас знаменитостями становятся ребята, снимающие на камеру все, что происходит вокруг, певицы без голоса, но с *«большими талантами»*, профессиональные игроки в видеоигры. В общем, бездельники, которые самыми легкими путями добились наилучших для себя результатов.

А такие как Дрейк, аналоговое, отсталое поколение, осталось ни с чем и вынуждено вкалывать от зари до зари на нелюбимой работе. Кстати, о работе, ему не всегда она не нравилась, были моменты, когда преподавательство даже приносило ему удовольствие. К примеру, если в

группе попадались толковые, читающие ребята, то такие занятия у него проходили на ура.

Дрейку хоть было с кем пообщаться на интересующие его темы, разбирая то или иное творение человеческого мозга, шедевры последних лет или не стареющую, вечную классику. Большинство ребят, конечно же, было не в теме, лишь безучастно кивали и постоянно косились на настенные часы, но те несколько человек задававшие ему вопросы и с таким энтузиазмом дискутирующие над каждой проблемой буквально наполняли его сердце радостью, и гордостью за этих людей.

Ему казалось, что если есть еще читающие, думающие люди среди молодежи, то значит не все еще потеряно. К тому же если он сумеет хоть чему-нибудь их научить значит и его день прожит не зря. Значит мистер Эйвин, не зря получает свою зарплату и будет ждать новой встречи с этими талантливыми, любопытными умами, юношами и девушками. Но все это рушится в миг, когда в следующей группе он натывается на скучающие, каменные лица, прямо говорящие ему: «Моя бы воля, меня бы здесь не было».

За свою сравнительно не большую карьеру преподавателя Дрейк точно понял для себя одно, что если студент не хочет учиться, то его не заставишь. Да он даже и пытаться не будет, ведь

кто он для них, по сути, всего на всего обычный преподаватель, не отец, не мать и не нянька. Не хочешь заниматься тогда какой смысл сюда приходить, просто просиживать штаны, занимая возможно чье-то чужое место. Место человека, который действительно хочет учиться.

Таких Дрейк на дух не переносил, но всеми силами старался это скрывать. Проехав несколько улиц, он остановился на перекрестке у края дороги в тот момент, когда на светофоре перед ним загорелся красный. В общем он не был сторонником тактики запугивания и отчисления студентов. Ему никогда не нравился метод кнута без пряника. Была б его воля, Дрейк бы всем без промедления выставил тройки, лишь бы поскорее от них избавиться и отправится в отпуск на заслуженный отдых вместе с женой и сыном.

Он, итак, задержался сидя с ними на пересдачах, и вот опять придется терпеть тоже самое. Смотреть на их жалостливые, едва ли не плачущие лица и все равно в журнал ставить неуд. Дрейк возможно бы и не стал их специально заваливать, это, собственно, не его желание, это приказ деканата, подчищающего ряды. Заявившего на собрании кафедры, что им нужно сохранить максимум 70 % сегодняшнего студенческого состава, а остальных отправить домой.

Ему было все равно, как на это отреагирует

преподаватели, которым придется выслушивать жалобное нытье студентов. Он их начальник, он отдал приказ и ушел в тень, а вы разбирайтесь между собой как знаете. Очень умелая тактика не выступать перед учащимися самому, а сделать это через кого-то. По мнению Дрейка это не то, чтобы грубо с его стороны, это необходимость, сделать выбор в пользу малого чтобы сохранить более способное большинство.

Он как преподаватель всегда считал, что неспособных, ленивых студентов нужно отсеивать, это их выбор. Естественный отбор, *c'est la vie*, в конце концов. Однако отчисление как способ избавиться от неудобного вузу студента не вызывало у него ничего кроме отвращения и чувства стыда за свой родной колледж. Еще недавно было разбирательство по поводу «*завала из-за аллергии*» одной из студенток.

Бедной девушке экзаменационная комиссия специально поставила двойку на сессии, чтобы убрать ее прямо перед санитарной проверкой только из-за того, что у нее, видите ли, аллергия и она вся покрывается сыпью сидя в одной из больших лекционных аудиторий. Вместо того чтобы выяснить причину этого и устранить ее колледж решил пойти по наиболее легкому пути и убрать эту несчастную, обсыпанную с ног до головы красными точками девушку, обещая ей

восстановление в начале следующего семестра.

Спустя неделю проверка в колледже нарушений не выявила, однако вуз свое обещание выполнять не торопился. Дошло до того, что студентке пришлось обратиться в полицию и заявить о нарушении своих прав. Тогда уже шериф без предупреждения вместе со своими экспертами нагрянул в колледж с проверкой, и вуая действительно обнаружили черный грибок в подвале здания, поры которого уже начали проникать в ту самую злосчастную аудиторию.

Насколько было известно Дрейку, скандал получил такую огласку, которой не было даже в прошлом месяце, когда был отчислен юноша, ударившись преподавателя. Дело было на посвящении, молодые люди, выпив в общежитии, отправились в один из ближайших баров, завсегдатаи которого не очень обрадовались шумной, веселой компании. После сделанного студентам замечания, и после угрозы бармена позвонить копам ребята медленно потянулись к выходу.

Но одна из девушек явно уходит не собиралась и сидя за стойкой, недвусмысленно намекала мужчине намного старше себя, что вполне не прочь продолжить этот вечер в более интимной обстановке. Поняв ее намеки буквально пьяница стал приставать к ней прямо в баре, на что она

отреагировала криками и попыталась отбиваться. Потому что игра, которую она решила с ним затеять, явно пошла не по ее правилам.

Один из парней, что решил вернуться за ней, увидев, что происходит, сразу кинулся ей на помощь и, оттащив мужчину, посоветовал ему, успокойся. Но обманутый, разочарованный буян еще больше зашелся криком и стал оскорблять девушку. Тогда хилый с виду парень, недолго думая с одного удара послал беднягу в нокаут, под бурные аплодисменты собравшейся рядом толпы. Какого было его удивление, когда, придя на первое в своей жизни занятие в колледже он встретился с приставучим пьяницей из здешнего бара, под левым, заплывшим глазом которого красовался здоровенный, лиловый фингал.

* * *

Перед тем, как идти на экзамен Дрейк решил ненадолго заглянуть к себе в кабинет, чуть остыть от поездки, успокоится, выпить чашечку кофе, без него все равно не начнут. Ухмыляясь в усы, он оставляет велосипед у крыльца на специальной парковке для преподавателей, аккуратно прицепив его за раму и защелкнув ключ. Поднимаясь по каменным ступеням то и дело, здороваясь направо и налево с каждым студентом (они стали такими

вежливыми во время экзаменов, и еще вежливее во время их пересдач) Дрейк, толкнув небольшие деревянные двери, заходил в полупустой холл и, кивнув охраннику, поднимается по лестнице на второй этаж.

Миновав половину коридора, он останавливается, заглядывает в аудиторию, из которой доносится громкий смех, студенты выселяться так будто бы уже сдали экзамен и готовы пойти отмечать. При виде его смех мгновенно стихает, проведя взглядом по лицам собравшихся, преподаватель делает вывод, что не достает еще пары тройки этих молодых, глупеньких лиц, и он готов дать им еще немного времени.

— Вы бы лучше так готовились, как смеетесь молодые люди, — негромко произнес он в наступившей тишине, его слова эхом отдавались от стен классной комнаты. — Даю на подготовку еще пять минут и очень прошу вас не терять времени даром. Повторите пройденный материал, а затем доставайте листочки.

Заканчивал фразу он уже под громкое шуршание бумаги, кто-то открывал учебники и зарывался в них с головой пытаясь, сосредоточиться, другие в это время листали его лекции, надеясь, что выпавший вопрос будет по ним, остальные уже довольные собой рвали из середины тетрадок двойные листы.

— Ну-ну, — подумал про себя Дрейк, закрывая дверь аудитории и направляясь к своему маленькому уютному кабинету в дальнем конце коридора. — Похоже, предстоит еще один тяжелый день.

Открыв ключом дверь кабинета, он бросает на старый, пошарканный стол свою выдавшую виды сумку из кожзаменителя и, нажав кнопку на электрическом чайнике, подходит к окну. Ему нравился не столько свой кабинет, сколько его расположение с видом на территорию колледжа с несколькими деревьями, скамейками, лужайкой перед зданием и небольшим бьющим в разные стороны фонтаном.

Весной, когда цвели яблони, здесь было особенно хорошо. Дрейк наблюдал порой как солнце, переливаясь, поигрывает своими тенями на зеленых, ярких листочках берез, а белые лепестки, срываемые сильным ветром падая с яблонь, забрасывают собой парк и, кружась, опускаются на ровную, чистую воду в фонтане. А сейчас, когда на дворе осень перед ним предстает совсем другая картина прекрасное, бесконечное золото в листьях переливается в лучах холодного солнца, хотя кое-где на деревьях еще виднеются зеленые листочки.

Они, последнее, что осталось нам от уходящего лета, эдакие летние солдаты, борющиеся

с наступающими холодами, отчаянно не желающие желтеть и до последнего пытающиеся сохранить свой девственно-чистый изумрудный оттенок. Увы, их миссия обречена на провал, но борьба их прекрасна.

Пока чайник, раздраженно бурля, закипал стоя на тумбочке у стола, Дрейк не мог оторвать взгляда от этого пейзажа. Вот ради чего ему стоит приходиться на работу, чтобы своими глазами воочию видеть смену картин за окном и еще очень долго сетовать на то, что он не художник. Преподаватель так отвлекся, что не услышал, как за его спиной скрипнула дверь и, вошел некто в темном плаще. Он так и стоял пока незваный гость не кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Кто вы такой? — удивленно спросил Дрейк, слегка вздрогнув, резко повернувшись на месте и едва не задев стол. — Что вам нужно?

— Всего лишь друг, — улыбаясь, хрипло отозвался незнакомец, от одного его вида и голоса у Дрейка волосы на голове сами собой встали дыбом. — И я пришел предложить тебе сделку с довольно щедрой оплатой.

— Чего вы хотите? — с сомнением в голосе спросил Дрейк, слегка прищурившись, чтобы лучше рассмотреть гостя.

— Хочу, чтобы ты оказал мне одну услугу, — ответил гость, без предложения присаживаясь на

стоявший рядом с ним стул и ставя ногу на ногу.

Чайник, закипев негромко выстрелил кнопкой выпустив вверх струю пара за спиной Дрейка. Набрав в грудь воздуха, преподаватель открыл было рот, чтобы повелительным тоном спровадить гостя восвояси, но вдруг передумал.

* * *

Проснувшись, Тиль с трудом разлепил сонные веки и открыл глаза. Он лежал на полу в комнате рядом с грудой пустых стеклянных бутылок, завернувшись в свою старую, кожаную куртку. С трудом дотянувшись до мобильного, парень посмотрел время. На экране телефона большими, яркими цифрами высветилось 09:55, а значит, последняя пересдача экзамена начинается ровно через пять минут.

Резко вскочив на ноги, он почувствовал сильную, пронзающую мозг головную боль, словно бы кто-то вонзил в нее раскаленные до красна иглы с силой всаживая их прямо в его полупустой череп. Все двоилось у него перед глазами и слегка рябило, стараясь не упасть, Тиль взялся за голову обеими руками пытаясь сфокусировать зрение. Когда все линии, наконец, слились воедино и образовали собой четкую картину происходящего парень увидел что в комнате стоит полный бедлам, его

вещи раскиданы в разные стороны, стол стоит кверху ногами, как будто вытянув руки, сдается в плен, на полу валяются бутылки из под спиртного, а на кровати, лежа в обнимку мирно посапывая, спят прямо в одежде две девушки.

Ухмыльнувшись про себя Тиль начал, вспоминать, где же все-таки встретил две эти размазанные макияжем, улыбающиеся, довольные собой физиономии. Кажется, это было в библиотеке колледжа, когда он как честный, порядочный студент готовился к экзамену. Как вдруг они подсели к нему не с того не сего, сказали, что виделись на одной из здешних тусовок и взяв под руки потащили в общагу. А он не больно-то и сопротивлялся, когда, пытаясь, сосредоточиться на чтении учебника просто сидел, тупо уставившись на первую страницу раз, за разом перечитывая заглавие и понимая, насколько же это все скучно.

Дальше все развивалось по стандартному сценарию, девчонки потащили его на какую-то шумную вечеринку и, изрядно накачав спиртным, забрались к нему в комнату, чтобы продолжить веселие. Вот только самого «веселия» похоже, у них не получилось, когда они обе напившись, в чем были, рухнули в забытье, обманув его надежды и оставив досиживать вечер в одного. Бросив на пол куртку, Тиль вслед за ними так же завалился спать, ночи еще стояли теплые и ему было довольно

комфортно. Но уснуть удалось не сразу на него, как и всегда налетели «бомбардировщики», резкие, волнительные головокружения, как правило, возникающие у многих людей после выпивки. Способ справиться с ними, был только один и Тиль естественно его знал, поставив ногу на пол и «заземлившись» он пролежал так всю ночь и под утро нога немного занемела.

Тяжело вздохнув, парень вдруг почувствовал движение внизу живота и подступающий к его горлу напор. Перестав вспоминать вчерашний день, он, зажав рукой рот, тут же ринулся в ванную и, склонившись над фаянсовым другом всех алкоголиков, отдал ему все, что было съедено и выпито вчера. Переведя дух, но не торопясь разгибаться Тиль дернул ручку слива, но вода из бачка не полилась, более того сама ручка осталась у него в руке.

Негромко выругавшись, парень схватил большой пластмассовый тазик, и налив в него воду из раковины смыл за собой. Умывшись, он почистил зубы пальцем как смог, не найдя своей зубной щетки и убедившись, что выглядит довольно прилично во всяком случае как типичный студент с лохматой головой по которой изредка гуляют умные мысли, красными, не выспавшимися глазами и огромные мешками на пол лица.

Выйдя из ванной, Тиль поднял с пола какой-то

учебник да пару тетрадей и, забросив их в сумку, двинулся к двери. Надев ботинки и куртку, парень на секунду остановился на пороге и, обернувшись, посмотрел на кровать. Девушки даже не шелохнулись, так и спали себе, будто вовсе не слыша, как он собирается. Усмехнувшись, Тиль, закидывает свою грязноватую сумку на плечо и выходит из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь.

* * *

Войдя через десять минут в аудиторию, Дрейк Эйвин улыбался приветливее обычного, казалось, будто бы все его мечты вдруг чудесным образом осуществились. Остановившись у стола, он осторожно положил журнал, со списком группы держа в другой руке стопку каких-то листов. Окинув взглядом недоумевающую аудиторию, преподаватель еще несколько секунд ждал, когда все устроятся на своих местах, замолкнут и обратят на него внимание.

— Сегодня ваш счастливый день, — торжественно сказал Дрейк, когда наступила полная тишина и все студенты как один подняли на него глаза. — Пересдача экзамена по литературе отменяется.

После этих слов аудитория начала

перешептываться, многие переглядывались друг с другом, спрашивая, не ослышались ли они, другие же наоборот не сводили своего недоумевающего взгляда с улыбающегося во весь рот преподавателя.

— Вместо нее я предлагаю вам выполнить тест, — продолжил говорить Дрейк и шепот мгновенно утих. — По результатам, которого я поставлю вам итоговую оценку. Это нужно для того, чтобы не задерживать не меня, не вас. Какой смысл тратить нам с вами лишние три-четыре часа, чтобы выяснить ваши знания.

Он поднял глаза, оторвавшись от листов с тестами и, приободряюще как ему казалось, посмотрел на учащихся. Но не всем, похоже, эта затея пришлась по душе, примерно треть аудитории была недовольна. Правильно, какой смысл был им учить этот предмет весь семестр, если на выходе они получают всего лишь жалкую «угадайку» в которой каждый троечник может получить пять.

— Возьмите себе и передайте дальше, — негромко произнес он, перестав улыбаться и, отдал тесты девушке сидевшей на первой парте. — Кто получил тесты, может тотчас приступать, на все про все у вас есть полчаса. Удачи.

Закончив говорить, Дрейк уселся за стол, откинувшись на спинку стула и, скрестив на груди руки, стал наблюдать, как ребята усердно перечитывают вопросы и ставят галочки или

крестики, заполняя бланк. Последний получивший свой тест вернул оставшиеся листы с последней парты, и девушка, сидевшая за первой, аккуратно положила их на край стола. Благодарно кивнув ей, преподаватель вернулся к наблюдению.

Спустя десять минут раздался стук в дверь и в аудиторию влетел взъерошенный паренек с грязной сумкой наперевес и, остановившись на пороге, умоляюще посмотрел на Дрейка.

— А мистер Стендишь, — лениво протянул преподаватель, обращая внимание всех на его опоздание. — Ну что вы там стоите, проходите, берите лист с тестом и поскорее присаживайтесь. У вас, как и у всех осталось всего двадцать минут.

Поблагодарив учителя, кивком головы лохматый взял тест и тут же уселся за первую парту. Достав из сумки ручку, Тиль начал ставить галочки почти не читая вопросов, он торопился ведь как было сказано до конца экзамена осталось всего-то двадцать минут, стараясь не обращать внимания на пристальный взгляд, преподавателя, который то и дело останавливался на нем.

Когда время истекло Дрейк велел всем отложить свои ручки и передавать листы с последних парт на первую, те, кто не успеет до счета три, автоматически получают неуд. Забрав тесты, преподаватель взял со стола журнал и, сказав, что результаты будут примерно через

четверть часа на стенде, удалился в свой кабинет все также продолжая улыбаться.

Бросив ручку в сумку, Тиль поднялся с места и вместе со всеми покинул аудиторию. Подойдя к автомату с кофе, он, как и всегда выбрал бодрящий «*капучино*», но получив от жестянки в коридоре очередную черную жижу в пластиковом стаканчике спустившись по крыльцу, вышел на улицу, чтобы скоротать время до объявления результатов. Хотя в глубине души он уже понимал, что не сдал. Ответы ставил, как попало, вопросы почти не читал, к тому же не успел ответить даже на половину. Очевидный провал, однако, отчаиваться было еще рано.

Он постоял на улице, выкурив вместе с ребятами пару сигарет, многие из них были довольны тестом, вопросы им попались легкие, и они даже не сомневались, что сдадут. А вот Тиль все больше отмалчивался, делая вид, что экзамен ему тоже дался легко. Тут на улице пошел дождь, холодный, морозный, падая на землю мерзкими мелкими каплями и, ребятам пришлось вернуться в здание.

Поднявшись на второй этаж, они посмотрели на большой пустующий стенд и увидели одиноко висевший на нем листок с результатами теста. Тиль долго не решался к нему подойти, но понял, что откладывает неизбежное и угрюмо побрел к стене, только когда основная масса довольных собой

ребят уже спускалась по лестнице. Да, так и есть, это неуд и отчисление, увы и ах. Единственный неуд во всей группе. Тиль умудрился упустить свой последний шанс — завалив довольно простой тест.

Глава 2. Из огня да в полымя

Утро следующего дня. Таксист Прайс Верден как обычно просыпается не свет не заря, чтобы заступить в свою утреннюю смену. Увы, настроение у него такое же паршивое, как и погода за окном, но ничего не поделаешь, работа есть работа, придется вставать. Подняв свое протестующее тело с кровати, он медленно поплелся на кухню и, включив электрический чайник, плюхнулся на угол старенького заскрипевшего под его весом дивана.

Выпив кофе и немного приободрившись, Прайс оделся и, задернув на куртке молнию до самого подбородка, вышел на морозную улицу. Быстрым шагом, пройдя несколько метров по парковке, таксист поскорее забрался в свою холодную, старенькую Тойоту. Включив зажигание, он вышел на улицу и, закурив сигарету, ждал, когда мотор прогреется.

Спустя десять минут, когда стрелка датчика температуры двигателя слегка вздрогнув, медленно поползла вверх Прайс протерев стекла заднего

вида, забрался обратно и, включив обогрев, направил теплый поток на себя. Согревшись, он скинул с себя куртку и, бросив ее на сиденье рядом с собой, медленно выехал со стоянки.

Едва он успел включить желтую фишку на крыше своего авто как уже заметил первого клиента, стоявшего на перекрестке с вытянутой рукой, в кулаке которой, была зажата купюра. Присмотревшись, когда подъехал поближе Прайс узнал в этой бумажке тысячу.

— Вот это удача, — подумал он, притормаживая рядом с ним. — Одним клиентом сразу выполню дневную норму.

— Вам куда? — перекикивая булькающий звук двигателя, громко спросил Прайс, опуская боковое стекло со стороны пассажира. Подумав, что мужчина его не расслышал, таксист повторил чуть громче. — Куда подвести вас, папаша?!

Очевидно, человеку, стоявшему в это утро под дождем на морозе, не понравились манеры водителя или быть может, у него возникли сомнения на его счет. Но тут вдруг Прайс увидел, как тысячная купюра исчезает во внутреннем кармане его плаща и, уже было подумал, что рано обрадовался. Да и внешний вид этого парня сразу ему не понравился, стоит во всем черном зачем-то прикрывает лицо, да и длинные костлявые пальцы с огромные загнутыми ногтями тоже доверия у него

не вызывали.

Водитель подождал еще, напряженно думая, не надавить ли ему на газ и умчаться подальше от этого странного пассажира. Наверно, человек на улице подумал о том же, вынимая из кармана уже две тысячные купюры. У Прайса от жадности округлились глаза, если этот старик с длинными когтями отдаст ему эти деньги, то сможет ездить на нем верхом целую неделю.

— Я дам тебе две тысячи, — произнес хриловатый голос, из-под капюшона протягивая таксисту наживку. — Если ты через час заберешь у общежития колледжа Виллоу одного человека и отвезешь его в Нерестен.

— Нерестен? — как будто очнувшись, переспросил Прайс. — Дак это же черти где, я больше на бензин потрачу, чем зара...

— Три тысячи, — негромко перебил его голос, доставая из кармана еще одну купюру.

Жадный таксист протянул руку и, схватив деньги, рванул к зданию общежития Виллоу. А человек остался стоять на тротуаре, спокойно глядя ему в след, он улыбался весьма довольный собой. Ведь для него все очевидно складывалось как надо.

* * *

На следующий день после приказа декана об

отчисления, на имя Тиля Стендиша пришел второй приказ о его немедленном выселении из общежития. Распечатав его с электронной почты на своем стареньком дребезжащем принтере, комендант третьего корпуса студенческого общежития колледжа Виллоу Реджина Вайс, невысокая, худощавая, хрупенькая блондинка тридцати восьми лет очень огорчилась, увидев в нем всего одно имя.

На самом деле этот парень ей нравился. Да он порой бывал взбалмошным, неотесанным и слегка грубоватым, ну а кто в его возрасте поступает иначе. Но он был с ней вежлив, всегда помогал, если нужно, да и вообще проблем с Тилем у нее не было. Она всегда тяжело переживала подобные моменты с выселением студентов, если, конечно, сама не являлась инициатором этого выселения. Но сейчас ей было особенно обидно за этого молоденького, талантливого, но безответственного паренька.

На лифте поднявшись на четвертый этаж, Реджина не спеша прошла по коридору и, остановившись у двери с табличкой «416» несколько раз в нее постучала. Но ответа с той стороны не последовало. Ничуть не удивившись, женщина принялась бить по ней своей белоснежно чистой ладонью, при этом каждый удар глухим эхом отдавался по всему пустому коридору.

— Стендишь открывай! — закричала она не переставая стучать. — Пришел комендант!

Едва она успела договорить слово «*комендант*» дверь распахнулась и перед ней на пороге во всей своей красе слегка пошатываясь, предстал Тиль. От него за милю разило табаком и алкоголем, каких-то пару секунд парень явно пытался понять кто перед ним, но, когда да него дошло, он попытался выдавить из себя улыбку. Хотя покрасневшие глаза, заляпанная чем-то футболка и торчащие в разные стороны волосы выдавали беднягу с головой.

— Ты что пил?! — громыхнула она, едва почуяв, чем от него пахнет, парень кивнул. — Ну, хоть признался.

Быстро зайдя в комнату Реджина, закрыла за собой дверь и, сунув приказ о выселении в его сонную физиономию, подошла к окну. Открыв обе створки и вдохнув свежий и слегка морозный воздух с улицы, она осмотрела скудное убранство его комнаты. Как и предполагалось, полный бедлам. Но кто все это разбросал тому и убирать. Повернувшись Реджина, взглянула на парня, на какую-то долю секунды ей вновь стало его жалко, но гнев на милость менять она уже не собиралась.

— Уберешь тут все и сегодня же съедешь, — спокойным, холодным, повелительным тоном произнесла она, стараясь не смотреть парню в

глаза. — Даю тебе два часа!

— Но в приказе сказано, что на выезд дается три дня... — начал, было, Тиль, но встретившись с ней взглядом мгновенно умолк.

— Два часа! — рывкнула Реджина вырывая приказ из его рук и закрывая за собой дверь.

* * *

Спустившись на первый этаж, строгий комендант вновь вернулась в свой маленький, скромный закуток. Увы, не об этом она мечтала всю свою жизнь, но мы редко получаем все что хотим. И ей в итоге досталось это жалкое кресло в старом, насквозь прогнившем корпусе, и каждый день одно и то же, пьяные выходки, дурачества и крики неугомонной студенческой мелюзги.

Как ее только угораздило здесь оказаться? Статная, умная, с хорошими манерами, конечно, не красавица, но вовсе и не дурнушка. Но у нее не было не денег, не связей и всем что у нее есть, она обязана только себе самой. Муж от нее сбежал, найдя себе невесту помоложе, скатертью дорожка. Но Реджина верила, что вскоре все изменится и ее жизнь резко пойдет в гору, нужно лишь выселить одного единственного студента.

Оставшись в комнате один, Тиль еще какое-то время стоял, прислонившись к стене, сквозь

открытое окно ему прямо в лицо дул ветер. Вчерашний день пролетел для него словно в тумане, лица, картины, дома. Одно он вчера понял точно, друзей в этом колледже у него нет, и никогда не было. Суровые истины, открывающие свои двери перед молодым еще неокрепшем мозгом. Чем старше становишься — тем меньше у тебя *«друзей»*, а потом понимаешь, что тебе вовсе и не нужны никакие друзья. Без них даже проще.

Узнав об отчислении Тиля, все знакомые стали сторониться его как прокаженного, они отвернулись от него, будто испугались подцепить какую-то заразу и самим быть отчисленными. А он только ухмылялся им в лицо и молча, делал выводы. Изредка к нему приходили мысли о том, что если вдруг случится что-то подобное, то некому будет его провожать все *«друзья»* либо случайно именно в этот день разъедутся по домам на выходные, либо разбегутся, кто, куда поджав хвосты. Так и вышло.

Собрав разбросанные повсюду вещи и, как попало, скидав их в сумку, Тиль прошелся по полу веником, убрал постельное белье с кровати и, сложив его стопочкой, зашел в ванную. Немного прибравшись и там, он закрывает окно, закидывает на плечо сумку, берет в одну руку ключи в другую — постельное и подходит к двери. На все про все у него ушло чуть меньше часа, у парня оставалось

еще время на отдых, но Тиль решил уйти отсюда как можно скорее, чтобы не злить этого стервозного коменданта. Можно подумать, что его выгоняют взащей, как побитого щенка.

Закрыв комнату негромким хлопком двери, парень угрюмо побрел вниз по лестнице, в этот момент ему казалось, что эти ступеньки вся его жизнь. Он так усердно поднимался по этой лестнице, а сейчас его камнем отправили вниз вновь на самое дно, из которого вряд ли когда-нибудь найдется выход. Дойдя до кабинета коменданта Тиль, дважды стукнул костяшками пальцев и вошел, не дожидаясь ответа.

Реджина уже ждала его, сидя за небольшим столом посреди комнаты. Сдав ей постельное белье и полотенце, он поставил подпись в предложенном ею листе, сдал ключ и, слегка кивнув, угрюмо направился назад к двери, как вдруг услышал торопливые шаги за спиной.

— Только не опускай руки, — негромко произнесла женщина, положив свою тоненькую ручку ему на плечо и глядя прямо в глаза. — Не раскисай, держи нос по ветру! Слышишь!

Но Тиль уже никого и ничего не слышал, и думал только об одном, что для него теперь все кончено. Не будет в его жизни хеппи-энда, а ждет тяжелый каждодневный труд и ручная работа за жалкие гроши.

— Спасибо вам, — хрипло пробормотал он в ответ. — И прощайте.

Выйдя из ее кабинета Тиль, повернул налево и, пройдя мимо спящего в своем кресле охранника перемахнув через турникет, вышел на улицу, где его уже поджидало такси.

* * *

Едва Тиль успел подойти к дороге и набрать номер такси, как уже рядом с ним остановилась красная, слегка грязноватая Тойота. Водитель улыбнулся ему всеми своими золотыми зубами и кивнул на заднее сидение. Парню вдруг показалось все это странным, только что он набирал номер и вот уже перед ним стоит машина. Складывалось ощущение, что его как будто бы поджидали.

Может этот водитель действительно кого-то ждал у общежития, но заказ по какой-то причине отменился и, увидев подошедшего парня, таксист решил отбить его у конкурентов. Это объяснение вполне подходит, и не став долго думать стоя под дождем у проезжей части Тиль поскорее забрался в теплую, удобную машину, забыв при этом отменить свой заказ.

— Быстро вы, однако, — удивленно сказал он, когда машина, мягко тронувшись, не спеша отъехала от тротуара. — Только позвонил, а такси

уже подъехало.

— «Экспресс-доставка» парень, — пожав плечами, отозвался водитель, останавливаясь на красный у ближайшего перекрестка. — Ну, куда едем?

— Тронгерс, — ответил Тиль, бросая сумку на сиденье рядом с собой и откидываясь на спинку.

— Дороговато будет, — отозвался таксист. — Но хозяин — барин.

Слегка улыбнувшись, глядя в лицо шофера, сквозь зеркало заднего вида Тиль кивнул ему и, склонив голову на бок, тотчас заснул. Он очень устал от всех этих волнений, к тому же в машинах его вечно укачивало, и чтобы потом не пришлось самому отмывать такси, парень решил отоспаться в дороге, назвав адрес своего, отчего дома. В который возвращаться ему, конечно же, не хотелось, но больше просто жить было не где.

Увидев, что его драгоценный пассажир заснул, Прайс сделал музыку в динамиках чуть тише и направил машину к ближайшему выезду из города, но не туда, куда сказал ему везти этот юноша. Подчиняясь, зову полученных от незнакомца денег, он вез его в Нерестен. В конце концов, Прайс всегда держал свое слово.

* * *

День неудержимо клонился к вечеру, большие кучевые облака полностью заслонили собой небо, а ветер яростными порывами продолжал гнать их вперед. Дождь, накрапывавший с самого утра, наконец, закончился, стало не так противно выходить на улицу, на которой постепенно стали появляться люди. Кто-то после работы спешил в магазин за продуктами, кто-то выходил погулять с собакой или просто подышать свежим воздухом. Поток машин без конца, снующих в разные стороны, медленно сходил на нет.

Нерестен, маленький, тихий городишко находился в ста шестидесяти километрах южнее Таунсенда и скорее походил на большую фермерскую деревню посреди леса, чем на современный быстро развивающийся город. В отличие от окружавших его со всех сторон мегаполисов этот городок не пользовался большой популярностью, в нем попросту не было ничего примечательного.

Не домов что были бы выше третьего этажа, не баров, не кинотеатров, лишь три с половиной улицы, небольшая дорога с двумя перекрестками, одно единственное кафе, пара магазинчиков, парикмахерская, похоронная служба и полицейский участок. А в остальном Нерестен был похож на спальный район большого города, в котором тихо и мирно доживают свой век старики, у которых нет

ничего, но зато есть все, что нужно для жизни. Тишина, свежий воздух и маленький пруд.

Единственное что привлекало в нем заблудших туристов это заброшенный, обветшавший особняк на холме, величественно возвышавшийся над остальными домами. Как говаривали местные это был дом одного властного барона, в свое время владевшего половиной города, который если верить слухам на исходе своей жалкой жизни продал душу дьяволу за бессмертие. Но видимо что-то пошло не так и вскоре в городке стал пропадать скот.

Люди думали друг на друга и обвиняли соседей в краже, и все могло бы закончиться весьма плачевно, если бы вдруг не произошло событие, заставившее весь город сплотиться. Пропали дочери местного кузнеца. Близняшки играли в лесу неподалеку от особняка, спустя три дня их нашли в овраге растерзанными и охваченный яростью народ возжаждал мести. Люди требовали ответов, и пришли за ними к барону, но он сбежал. Не найдя его, разъяренные горожане сожгли особняк и убили всех слуг.

С тех самых пор барона больше никто никогда не видел, но среди местных все не утихали разговоры о пропавших без вести людях в соседних городах. Сгоревший дотла дом восстановил кто-то, из местных предпринимателей решив сделать из

него музей, но, судя по всему, дело его прогорело, а особняк так и остался стоять на своем месте.

* * *

Из молодежи в Нерестене мало кто оставался, все кто мог уехать, уже давным-давно сделали ноги и теперь наслаждались шумом и грязью других городов. На своих насиженных местах оставались либо глупые, либо ленивые. Однако был еще и третий вариант — те, кому попросту не куда было идти.

Как раз к последнему типу людей относится Трент Берман, вечный хулиган и задира, лучшие годы жизни которого прошли в школе. В то время, когда он мог беспрепятственно отбирать у одноклассников деньги, курить, пить пиво, затевать драки с соперниками намного слабее себя, без прав разъезжать по городу на старой отцовской машине или попросту слоняться по улицам и своим огромным видом пугать по ночам горожан.

Те годы для него давным-давно прошли и жизнь, которой он так долго наслаждался, закончилась не очень-то весело. Мечь за всех тех, кому он причинял вред, настигла его в виде суровой и беспросветной реальности. Учителя, которых Трент попросту ненавидел, отыгрались тем, что не выдали парню аттестат об окончании школы. Попав

в армию, парень попытался перенести все свои основные привычки и туда, стараясь показать себя крутым как это было во время учебы.

Но что-то пошло не так и он полгода пролежал в лазарете, после того как над ним поработали ребята намного крупнее его. На силу всегда найдется сила. Вернувшись в родной городок Трент, решил отметить это со старыми друзьями, все веселье закончилось пьяной дракой, за которую ему дали два года. Спустя год он узнал, что умерла мать так и не дождавшись его, а отец, женившись во второй раз сбежал, не оставив ему ничего.

Сейчас ему двадцать восемь и за свой сравнительно небольшой возраст, Трент успел поведать многое, так сказать, прочувствовать на себе вкус этой жизни. Возвратившись в старую лачугу отца, он пытался искать работу, перебиваясь то тут, то там. Летом парень подметает улицы, выносит мусор, разносит почту, подстригает стариковские лужайки, зимой — расчищает тропинки, сбрасывает снег с крыши, а все вечера проводит за столиком в кафе и, наслаждаясь бокалом пива, с надеждой поглядывает на официанток, которым до него нет дела.

* * *

Сегодняшний дождь испортил все его планы, и раз с работой ничего не вышло, Трент решил перед сном пропустить пару бокальчиков, чтоб лучше спалось. Его донимала спина, от тяжелой работы болело все тело, к тому же после прошлогоднего падения с крыши, он сломал руку, когда, напившись, решил прыгнуть в сугроб, на вершине которого была обледеневшая за ночь корка.

И теперь каждый вечер, приходя домой парень, чувствовал, как ноют все его мышцы, и чтобы хоть немного заглушить боль приходится пить. Забавно раньше он пил просто так, от нечего делать, теперь пьет из-за тяжелой работы.

Закутавшись поплотнее в старый, отцовский плащ Трент шел вверх по улице в направлении кафе, ему оставалось всего несколько метров, вот сейчас он схватит ручку двери и, толкнув ее, окажется в шумном, теплом, ярко освещённом помещении. Но в этот момент дорогу ему преграждает какой-то сморщенный, невысокий старик, и с улыбкой протягивает ему зажатую в своих костлявых пальцах купюру.

— За что? — хмуро буркнул Трент, незамедлительно убирая деньги в карман. Ему столько не заработать и за месяц.

— Нужно припугнуть одного парня, который выйдет из такси вон там, — ответил незнакомец,